

П Р А В О

УДК 343.163

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК КОМПОНЕНТ ДУХОВНОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

© 2019 г.

А.В. Агутин

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Москва

agutin.av@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.01.2019

Исследуется религиозный экстремизм и его проявления в молодежной среде как компонент духовной войны. Определены цели религиозного экстремизма как компонента духовной войны. Обоснованы взаимосвязь и взаимообусловленность религиозного экстремизма с либеральным мировоззрением (идеологией).

Ключевые слова: духовная война, российская общность, религиозный экстремизм, сознание, мировоззрение, идеология, парадигма мышления, идеологема.

Свои размышления, связанные с исследованием религиозного экстремизма как компонента духовной войны, в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и противодействия религиозному и молодежному экстремизму, начнем с нижеследующего. В настоящее время в отношении российского народа и его государства осуществляется духовная война. Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова В.И. Добренков так и пишет: «Война против России – это духовная война, в которой происходит уничтожение не только и не столько физической силы, сколько духовного потенциала Российского государства» [1].

С исторической точки зрения деятельность по подавлению духа населения стратегического противника имеет давние истоки. Так, например, В.В. Хрусталеv указывает на наставления китайского философа и полководца Сунь-Цзы, который около 2500 лет назад писал: «Разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника, вовлекайте видных представителей вашего противника в преступные предприятия. Подрывайте их престиж и выставляйте в нужный момент на позор общественности. Используйте сотрудничество также самых подлых и гнусных людей. Разжигайте ссоры и столкновения среди граждан враждующей страны. Подстрекайте молодежь против стариков. Мешайте всеми средствами деятельности правительства. Препятствуйте всеми способами оснащению, обеспечению и наведению порядка в вооруженных силах. Сковывайте волю воинов противника бессмысленными песней и музыкой, обесце-

нивайте все традиции и богов ваших врагов. Псылайте женщин легкого поведения с тем, чтобы дополнить дело разложения. Будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников. Вообще не экономьте ни на деньгах, ни на общениях, так как они приносят богатые дивиденды» [2].

Религиозный экстремизм является целостным компонентом духовной войны. В науке иногда духовная война отождествляется с консциентальной войной. Основой консциентальной войны является «уничтожение ядерной человеческой способности к свободной идентификации... После уничтожения такой способности человеку может быть навязана или наведена любая идентификация, по каким-то причинам необходимая извне» [3, с. 15–23]. Иначе: консциентальная война – это «системное замещение и/или ликвидация основных ценностей массового сознания того или иного общества с целью изменения его самоидентификации в целях обеспечения его латентной полной управляемости извне» [3, с. 16].

Сущностью консциентальной войны является системное замещение и/или ликвидация не просто массового сознания того или иного общества, а замещение и/или ликвидация ценностно-смыслового ядра конкретной общности (в нашем случае – российской общности) с целью полной линейной и/или нелинейной её управляемости извне. В этом контексте консциентальная война тождественна духовной войне. По этой причине в настоящей статье с допустимой в таких ситуациях условностью оба отме-

ченных нами понятия будут использоваться в качестве равнозначных понятий.

В отношении России духовная агрессия осуществляется давно (на наш взгляд, не менее чем четыре века), крупномасштабно и на основных стратегических направлениях. Сказанное в полной мере имеет отношение и к религиозно-экстремизму как целостному компоненту духовной войны. Задача религиозного экстремизма заключается в разрушении культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей нашего народа. Целью религиозного экстремизма является нравственное и морально-психологическое разложение российского государства и его народа с последующей подменой ценностно-смыслового ядра нашей общности.

С позиции концентриальной войны целью религиозного экстремизма является «внедрение в массовое сознание всех народов мира редуцированной идеи либерализма и твердого убеждения в том, что географическая родина этой идеи является также и Абсолютной Родиной всего человечества» [3, с. 16]. Системообразующим средством религиозного экстремизма является целенаправленное дезорганизационное воздействие на культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа.

Принципиальное отличие религиозного экстремизма как целостного компонента духовной войны от других агрессивных проявлений со стороны агрессора в идеологической сфере заключается в объекте воздействия. В процессе осуществления духовной агрессии посредством религиозного экстремизма основным объектом подрыва является область бессознательного (менталитет, иначе – дух народа), а именно ценностно-смысловое ядро российской общности. Проще говоря, духовная война потенциалом осуществляется на духовном уровне, со свойственными религиозному экстремизму целями и средствами.

Религиозно-экстремистское воздействие на ценностно-смысловое ядро нашего народа осуществляется на уровне бессознательного. Поэтому, условно говоря, «жертвы» не осознают сам факт оказания на них воздействия со стороны субъектов религиозно-экстремистской агрессии. Эта особенность религиозно-экстремистского воздействия не всегда верно диагностируется в нашей науке. Вследствие чего иногда религиозно-экстремистское воздействие объясняется и описывается посредством научного инструментария, который имманентен психологической войне. Однако последняя имеет свою специфику. Например, в ходе психологической войны

основным объектом религиозного экстремистского воздействия является общественное и индивидуальное сознание. А это означает, что цели и средства психологической войны, а также методы противодействия им иные по сравнению с религиозно-экстремистским воздействием.

Религиозно-экстремистское воздействие осуществляется на уровне духа (бессознательного) нелинейными методами, а психологическая война – на уровне сознания (мировоззрения), свойственными этому уровню способами. Их особенности обусловлены прежде всего объектом. В контексте религиозного экстремизма как компонента духовной войны речь идет о ценностно-смысловом ядре нашего народа. Основу ценностно-смыслового ядра нашего народа составляют культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей.

Культурно-историческое наследие нашего народа – это прежде всего его многотысячелетний опыт жизни, обрамленный духом вечности. Система традиционных ценностей российского народа – это совокупность его ценностей, опора на которые позволяла ему не только сохраняться, но развиваться, создавая свою собственную своеобразную культуру (цивилизацию). «Ценность, – пишут авторы специализированного издания по обеспечению национальной безопасности, – это сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры, к желаемому будущему, к сохранению избирательной памяти о прошлом» [4].

По мнению М. Барга, цивилизация представляет собой «совокупность материальных и нравственных средств, которыми данное сообщество вооружает своего члена в его противостоянии внешнему миру» [5]. Корни нашей цивилизации уходят глубоко в древность. В древность индоевропейскую и иранскую. Прежде всего для нас общезначимыми образцами культуры являются образцы славянской и иранской культур. Историк Г.В. Вернадский пишет: «Славяне же в скифскую и сарматскую эпохи много получили от общения с другой ветвью индоевропейской семьи – иранцами, которые держались в южно-русских степях. Славянская мифология перекликается с иранской тематикой, в старом русском фольклоре много иранских мотивов. Есть много общего между иранским и турецким эпосом, с одной стороны, и некоторыми старыми русскими *былинами* – с другой. Искусство древней России испытывало сильное влияние со стороны иранской цивилизации» [6].

Искусство является проявлением культурно-исторического наследия и системы традицион-

ных духовно-нравственных ценностей российского народа. Культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа не только формируют целостность мировоззрения прокурорской деятельности, но и обеспечивают её единство. Мы не одиноки в своих мыслях. На этой стороне культуры и традиционных духовно-нравственных ценностей акцентирует внимание и специалист по русскому (российскому) правосознанию Н.А. Бенедиктов. Он пишет: «Система ценностей и есть то, что объединяет народ. Если она размывается, то внешне государство может сохраняться. Однако сотрясения грядут, и мощное государство рассеивается как дым. Рассыпается как карточный домик» [7]. Н. Лосский определяет понятие ценности так: «Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [8].

По смыслу Стратегии национальной безопасности 2015 года речь идет о системе не просто наших национальных ценностей, а традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. Они незыблемы и независимы от влияния духа времени и политической конъюнктуры. Например, Н.А. Бенедиктов по этому поводу однозначно указывает на то, что «до принятия православия у нас выработалась определенная система ценностей» [9]. По смыслу Стратегии национальной безопасности независимость и незыблемость системы традиционных фундаментальных ценностей обеспечивает, с одной стороны, их единство, а с другой – идейную целостность.

Апологеты религиозного экстремизма, опираясь на различные религиозно-экстремистские идеи (знания), обосновывают производность, а следовательно, второсортность русской культуры, российского государства, российской общности от «первоосновы», а именно от западной цивилизации. Обоснование второсортности духовных основ русской культуры, российского государства и российской общности от западной цивилизации приводит апологетов религиозного экстремизма к домыслам об «отсутствии исторического и морального права России на самостоятельное существование в “цивилизационном пространстве”, на “право голоса” в мировом сообществе» [10].

Для воплощения своих домыслов в жизнь религиозным экстремистам необходимо разрушить культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа. По замыслу религиозных экстремистов для достижения ими своих намерений необходимо изолировать тра-

диционное мировоззрение российского народа от его же истоков (от менталитета российской общности), в последующем освободившую мировоззренческую нишу занять правдоподобным по форме, но ложным по содержанию либеральным мировоззрением (сознанием).

С позиции социального управления речь идет о нелинейном воздействии на ценностно-смысловое ядро нашего народа потенциалом либерального мировоззрения. В отличие от функционального управления в социальных системах, нелинейные процессы характеризуются тем, что управленческое воздействие на объект управления осуществляется опосредованно, а именно за счет уже сформированного мировоззрения. В нашем случае – потенциалом либерального мировоззрения. Базовыми элементами данного мировоззрения являются либеральные идеологемы. По своей сути они представляют собой совокупность идей (знаний) вне взаимосвязи и вне взаимообусловленности с культурно-историческим наследием и системой традиционных ценностей цивилизаций (народных общностей).

Будучи «творением» либералов, идеологемы либерализма – это знания, которые основаны, как правило, на формальной логике. На уровне психологии логическая основа либеральных идеологем позволяет им за счет формирования иллюзорного образа презентовать себя в качестве системы эмоционально привлекательных знаний. На этой иллюзорной и эмоционально привлекательной основе представители либерализма разрабатывают соответствующую иерархическую совокупность соответствующих понятий. В результате складывается правдоподобная по форме, но ложная по содержанию парадигма мышления. На мировоззренческом уровне она опирается на формальную логику и не учитывает иные формы мышления, например чувственное мышление, творческое мышление и т.п.

Опора либеральной парадигмы мышления сугубо на формальную логику, по крайней мере, говорит о нижеследующем. Первое: она радикальна и агрессивна, поскольку исходит только из одного формального логического мышления и не учитывает его содержательные формы, например творческое мышление. Второе: либеральная парадигма мышления эмоционально привлекательна по форме, но ложна по содержанию. Ибо ею отвергается как эмоциональный интеллект, так и эмоциональное мышление. Третье: либеральная парадигма мышления противоречит духу мышления российского народа, а также его ценностно-смысловому ядру. Четвертое: условием для развертывания либеральной парадигмы мышления является бессмысленная

среда функционирования. В этой среде смыслы мышления оторваны от его мотивов (мотивации).

Отрыв смыслов мышления от мотивации осуществляется за счет либеральной парадигмы мышления, которая формирует свою мотивационную основу вне культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей. Данное обстоятельство является ключевым в понимании религиозного экстремизма посредством либерального мировоззрения (идеологии). Ключевая роль в этой идеологии отводится формированию ложных православного или исламского мировоззрений. По замыслу либералов, они никоим образом содержательно не должны быть связаны с ментальными основаниями ни православия, ни ислама. Хотя по внешним атрибутам создается иллюзия того, что идеология религиозного экстремизма имеет непосредственное отношение именно к фундаментальным (ментальным) основаниям православия и ислама. В результате формируется ложная религиозная индивидуальная и надиндивидуальная мотивация.

На формирование ложной религиозной мотивации указывает и известный специалист по религиозному экстремизму М.Я. Яхьяев. Так, он пишет: «К примеру, самоубийственные действия верующего-мусульманина, который совершает террористический акт во имя Аллаха и погибает на пути джихада с надежной на прямой путь в рай, – это конкретное проявление исламского экстремизма. Если бы целемотивация такого радикального акта самопожертвования проистекала из православной религии, то мы бы говорили о нем как о проявлении православного, но никак не антиправославного экстремизма» [11].

Либеральная парадигма мышления со свойственной ей ложной религиозной мотивацией сформирована не ради удовлетворения собственных амбиций. Она создана для обеспечения, с точки зрения либералов, действенного социального управления в обществах, стерилизованных от своего культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей. Стерилизованное в этом смысле общество характеризуется мертвыми общественными и индивидуальными сознаниями. Эти «омертвленные сознания» и наполняются элементами либерального знания (идеологемами). По своему статусу они воплощают в себе отрицательную энергию, обеспечивающую воплощение в социальную систему российской общности преимуществ для разветвления ложной для нашего народа системы либеральных псевдоценностей, низменных побуждений, псевдонравственности, псевдоморали, убогих социальных установок, обозначае-

мых в качестве толерантности и т.п. Все эти перечисленные элементы как в отдельности, так и в своей совокупности обеспечивают формирование и воплощение в государственное управление либеральной идеологии.

Собственно говоря, любая идеология в своих основаниях является продуктом либерального мышления с целью устойчивого воспроизводства, претворения и трансляции в социальной системе совокупности сугубо либеральных знаний и недопущения нелиберальных знаний. Для достижения этой цели предварительно необходимо изменение мыслительной деятельности. Специалисты по этому поводу отмечают два важных обстоятельства. Первое: термин «идеология» вошел в научный оборот с подачи Пьера Кабаниса и либерального аристократа Дестюта де Траси [12]. Второе: идеология является продуктом модерна (как бы сказал И.А. Ильин, порождением большой культуры) и наследницей философии Просвещения. Мы не одиноки в своем суждении. В том же духе мыслит профессор А.С. Иванова, которая пишет: «Иными словами, пафосом «идеологии» как эпистемологического проекта было именно обеспечение разумности человеческого устройства – через образование, – а также всего устраиваемого человеком – через применение этого образования. В этом смысле она явилась прямой наследницей Просвещения. С другой стороны, принимая во внимание исторический контекст ее существования, можно предполагать, что “идеология” воспринималась ее сторонниками как теория, позволяющая создать мир “с нуля” (как “нулевая степень письма”). И в этом смысле она не могла быть ничьей наследницей» [13].

Со своей стороны добавим: с точки зрения культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа, проект «идеология» не является их наследницей. Она является наследницей философии Просвещения (своеобразной внучкой, а родной её мамой была либеральная эпистемология, она же гносеология (логическая теория познания)). В этом смысле либеральная идеология является философской специализированной надбиологической программой нейтрализации культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей. Таким образом, с одной стороны, анализируемый проект «идеология» является программой омертвления общественного и индивидуального сознания, а с другой – формой (способом) управления уже омертвленными сознаниями для достижения «древа целей» представителями либерального учения.

Список литературы

1. Добренков В.И. Система и стратегия национальной безопасности России XXI // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 5–36.
2. Хрусталева В.В. Некоторые вопросы идеологических диверсий в работе Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» и современность: Лекция. М., 2015. С. 3.
3. Комлева Н.А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противоборства // Про странство и Время. 2015. № 3 (21). С. 15–23.
4. Капинус О.С., Кардашова И.Б., Рябцев В.П. Прокуратура в системе национальной безопасности России: Учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2012. 447 с.
5. Барг М.А. Категории и методы исторической науки: Монография. М.: Наука, 1984. С. 357.
6. Вернадский Г.В. Русская история: Учебник. М.: Аграф, 1999. С. 19.
7. Бенедиктов Н. Заметки о русском. Н. Новгород: Книги, 2016. С. 18.
8. Лосский Н. Ценность и бытие. Париж: YMCA-PRESS, 1931 [Электронный ресурс]. URL: <http://bookscafe.net> (дата обращения: 28.01.2019).
9. Бенедиктов Н.А. Особенности русского правосознания // Социально-гуманитарные аспекты современного российского правосудия: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции, Н. Новгород, 17 октября 2014 г. Н. Новгород: ПФ ФГБОУВО «РГУП», 2016. С. 107.
10. Селиванов А.И. Американская доктрина о превентивном военном ударе как политическая и правовая реализация духовных оснований американской культуры // Евразийский юридический журнал. 2017. № 12 (115). С. 16–20.
11. Яхьяев М.Я. К вопросу об экстремизме в исламе // Исламоведение. 2015. Т. 6. № 2 (24). С. 70.
12. Алешин Д.А. Идеологическая направленность неклассического юридического дискурса // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 78–101.
13. Иванова А.С. Начала «идеологии» Антуана Дестюта де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 146–148.

**RELIGIOUS EXTREMISM AS A COMPONENT OF SPIRITUAL WARFARE:
PROBLEMS OF COUNTERACTION**

A.V. Agutin

The article reflects on religious extremism and its manifestations in the youth environment as a component of spiritual warfare. The goals of religious extremism as a component of spiritual warfare are defined. The interrelation and interdependence of religious extremism with the liberal worldview (ideology) is substantiated.

Keywords: spiritual warfare, Russian community, religious extremism, consciousness, world view, ideology, thinking paradigm, ideologeme.

References

1. Dobren'kov V.I. Sistema i strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossii XXI // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya. 2013. № 4. S. 5–36.
2. Hrustalev V.V. Nekotorye voprosy ideologicheskikh diversij v rabote N.Ya. Danilevskogo «Rossiya i Evropa» i sovremennost': Lekciya. M., 2015. S. 3.
3. Komleva N.A. Konsiental'naya vojna: global'nye trendy global'nogo protivoborstva // Prostranstvo i Vremya. 2015. № 3 (21). S. 15–23.
4. Kapinus O.S., Kardashova I.B., Ryabcev V.P. Prokuratura v sisteme nacional'noj bezopasnosti Rossii: Ucheb. posobie. M.: Yuniti-Dana, 2012. 447 s.
5. Barg M.A. Kategorii i metody istoricheskoy nauki: Monografiya. M.: Nauka, 1984. S. 357.
6. Vernadskij G.V. Russkaya istoriya: Uchebnik. M.: Agraf, 1999. S. 19.
7. Benediktov N. Zametki o ruskom. N. Novgorod: Knigi, 2016. S. 18.
8. Losskij N. Cennost' i bytie. Parizh: YMCA-PRESS, 1931 [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://bookscafe.net> (data obrashcheniya: 28.01.2019).
9. Benediktov N.A. Osobennosti russkogo pravososnaniya // Social'no-gumanitarnye aspekty sovremen-nogo rossijskogo pravosudiya: Materialy Vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, N. Novgorod, 17 oktyabrya 2014 g. N. Novgorod: PF FGBOUVO «RGUP», 2016. S. 107.
10. Selivanov A.I. Amerikanskaya doktrina o preventivnom voennom udare kak politicheskaya i pravovaya realizaciya duhovnyh osnovanij amerikanskoj kul'tury // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 12 (115). S. 16–20.
11. Yah'yaev M.Ya. K voprosu ob ehkstremitizme v is-lame // Islamovedenie. 2015. T. 6. № 2 (24). S. 70.
12. Aleshin D.A. Ideologicheskaya napravlennost' neklassicheskogo yuridicheskogo diskursa // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2018. T. 13. № 2. S. 78–101.
13. Ivanova A.S. Nachala «ideologii» Antuana Destyuta de Trasi i ego nauka ob ideyah // Voprosy filosofii. 2013. № 8. S. 146–148.